

С.В. ВОЛОДЕНКОВ, С.Н. ФЕДОРЧЕНКО

ЦИФРОВЫЕ СТИГМАТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (s.v.cyber@gmail.com); ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет (s.n.fedorchenko@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В условиях эволюции Интернета как самостоятельного пространства социально-политических коммуникаций традиционные подходы к воздействию на массовое сознание приобретают новое звучание и потенциал, связанные с появлением новых современных инструментов digital – коммуникаций. В связи с этим переосмысление классических моделей и методов социально-политической стереотипизации и мифологизации представляется нам актуальной задачей современной науки. Целью данной работы является концептуализация проблемы применения в современной манипулятивной практике цифровой стигматизации – социально-политических технологий наклеивания ярлыков и меток политическими интересантами в отношении своих оппонентов в пространстве социальных медиа. Анализ современной политической практики демонстрирует, что технологии цифровой стигматизации становятся на сегодняшний день серьезным инструментом ведения политической борьбы за завоевание и удержание власти, обладающим значимым потенциалом воздействия на массовое сознание. По мнению авторов, активность политических оппонентов кодируется политически и информационно влиятельными акторами как деятельность носителей девиантного поведения, представляющего угрозу для общества и государства. В работе определяется существенная роль инструментов формирования специфических условий в сетевом пространстве, меняющих интерпретацию политической жизни с помощью технологий цифровой стигматизации. Авторы приходят к выводу, что субъектами стигматизации в современной практике во многих случаях становятся непосредственно институты политической власти, предпринимающие попытки установления информационного контроля над обществом в собственных интересах, используя для этого современные цифровые технологии стереотипизации и мифологизации социально-политической реальности.

Ключевые слова: цифровые стигматы • политическая манипуляция • интернет-пространство • политическая коммуникация • массовое сознание

DOI: 10.31857/S013216250002791-3

К истории вопроса. С эпохи Античности стигма (от др.-греч. στίγμα – отметина, знак) означала клеймо. По мере распространения христианства стигматами начали называть раны у верующих и святых. Стигматизация как наклеивание ярлыков была известна уже в глубокой древности. Так, древнегреческий историк Геродот на племена, жившие рядом с эллинами, навешивает ярлык «варваров» [Геродот, 2001: 5], аналогично поступает древнеримский писатель Тацит, четко противопоставляя цивилизованных римлян чужестранцам [Тацит, 2001: 431]. Византийские авторы Агафий Миринейский, Прокопий Кесарийский и др., считая Константинополь преемником имперского Рима, также тенденциозны в навешивании метки «варваров» на соседние народы. На Руси, в средневековых Болгарии и Сербии также могли употреблять стигму «греческий цесарь» [Литаврин, 1999: 591–598]. Стигма как отличительный и обличительный ярлык наклеивалась религиозными властями и на ведьм, представителей средневековых ересей – павликан, богомилов,

катаров. Джованни Ботеро в трактате «О государственном интересе» советовал «сделать низкими» души (*avvilire le loro anime*) упорствующих иноверцев и еретиков посредством целого комплекса мер по их стигматизации перед большинством: от навязывания этим группам определенного типа одежды, музыки и песен до разрешения/запрещения им повседневных занятий. Кроме того, он предлагал при проектировании самого пространства города закладывать архитектурные решения, открытые и красивые ландшафты, позволяющие анализировать население, контролировать его группы через удовольствия, создавая удобства для большинства лояльных и неудобства для нежелательных групп [Иванова, 2013: 324–326]. Если в современных условиях заменить ботеровский «город» на «Интернет», то все становится на свои места.

Средневековые авторы пытались осмыслить в чем-то схожие проблемы. При этом речь шла уже не только о словесных «ярлыках», и о визуальных стигматах – образах. Так, Иоанн Дамаскин, споря с византийскими иконоборцами, создал свою теорию образов, уже в то время обнаружив, что важнейшая познавательная и объяснительная функция образа во многом облегчает понимание человеком мира и тех явлений, которые в нем происходят: «для путеводительства к знанию, для откровения и обнародования скрытого и выдуман образ» [Дамаскин, 1913: 399–400]. Схожего мнения придерживался и Феодор Студит, сделавший важное наблюдение – для убеждения и ориентирования человека одного словесного повествования недостаточно, поэтому, по мнению византийца, его нужно «живописателям ратоборных подвигов» подкреплять достойными образами божественного, подвижников, воинов, а также порицаемыми образами демонического, несправедливого [Творения..., 1867: 509–517]. Таким образом, на протяжении многих веков вопросы, связанные с формированием и использованием стереотипной системы координат «свой–чужой» и «добро–зло» для обеспечения массовых религиозных, социальных и общественных представлений, неоднократно становились предметом исследований значительного числа ученых, философов и религиозных деятелей.

Операционализация и концептуализация проблемы. В современной науке одним из первых проблемы стереотипизации и мифологизации, основанных на феномене стигматизации, начал изучать американский социолог И. Гофман, рассматривавший феномен стигмы как качества, обозначающего какое-либо постыдное свойство индивида или группы. Согласно его пониманию, проблема стигмы проявляется тогда, когда участники социальных отношений либо ситуаций ожидают, что конкретная категория людей должна выполнять предписания предначертанных им норм, а не только их формально поддерживать. Одновременно люди, общающиеся с такими стигматизированными девиантами (отличающимися от них личностями), не высказывают им того почтения и уважения, которые означали бы принятие их идентичности, рассматривая их действия как девиацию [Goffman, 1963].

Г. Беккер в своей книге «Аутсайдеры» изложил свою теорию стигматизации, которая вместо психологического допускала политическое объяснение девиации. Согласно ей, влиятельные группы сами создают условия для девиации, во-первых, формулируя некие правовые стандарты поведения для социума, и, во-вторых, на деле наклеивая ярлыки членам общества, отличающихся от других людей, нарушающих установленные правила, и превращая их в итоге в аутсайдеров. Другими словами, девиация возникает как следствие применения санкций конформистов против аутсайдеров. И происходит это в условиях расплывчатости большинства общественных ценностей, в том числе и демократических, в ряде государств, чем и пользуются влиятельные группы. Беккер подчеркивает, что правила поведения автоматически не вытекают из неких абстрактных ценностей. Напротив, они могут не просто обслуживать интересы влиятельных групп и вступать в конфликт с интересами аутсайдеров, а позже обосновываться некими общественными ценностями [Becker, 1966: 130–135]. В итоге мы можем наблюдать картину интересного механизма власти, нового Левиафана, основанного как на правовых нормах, так и на манипуляциях общественным мнением, когда политический контроль тесно переплетается с контролем

социальным (при этом благодаря возможностям современных сетевых технологий первый во многом может создавать/имитировать второй).

Рассматривая социальные тотальные институты (государственные, религиозные, образовательные, военные и др. структуры), Гофман пишет о том, что индивиды, входя в группы, могут превратиться в своеобразных надзирателей, главной функцией которых становится не руководство (эта функция уже монополизирована влиятельными группами), а наблюдение за нарушением/исполнением правил конкретными людьми [Гофман, 2008: 38–50]. Фактически это тот же описанный Беккером симбиоз политического («сверху») и социального («снизу») контроля над девиантами.

Как и в древности, стигматизация широко распространена и в современном мире политики, в условиях функционирования информационного общества и эволюции Интернета как самостоятельного онтологического пространства. Сравнительно недавняя попытка концептуализации отечественными политологами « сетевого фронта » [Морозова и др, 2016], как подвижной границы зоны взаимодействия, контакта, взаимопроникновения социально-культурных оптик традиционного и сетевого общества, своеобразно дополняет гофмановскую идею о том, что стигматизация, искажая реальные признаки явлений, приводит к « виртуальной социальной идентичности ». Особенно это явление понятно при изучении эффекта наложения процессов виртуализации политики и социализации Интернета [Тихонова, 2016].

При этом ресурсы социальных медиа, обладая ценностным ядром, широким диапазоном коммуникационного влияния и связей и состоя из объемной пользовательской аудитории, производят в гофмановско-беккеровском понимании « клеймение » собственных политических оппонентов, кодируя их в сети как представителей девиантного поведения, несущего угрозу для общества и государства [Володенков, 2015: 159–161].

В результате применение современных технологий цифровой стигматизации позволяет виртуально структурировать социально-политическую реальность, интерпретируя и позиционируя при помощи соответствующих ярлыков любые процессы, события, явления, смещая внимание рядового интернет-пользователя при помощи « вирусного посева » хэштегов и мемов в необходимую сторону, формируя в сетевом пространстве информационную повестку дня и актуализируя те или иные социально-политические проблемы, что становится манипулятивной технологией воздействия на процедуру принятия политических решений [Landtsheer, 1991], с помощью которых интересанты продвигают в массовое сознание нужные им ценности, смыслы, стереотипы, мифы, символы для удержания или обретения власти, влияния. Что касается смыслов и символов, то их роль в социально-коммуникационном взаимодействии подчеркивал и Дж.Г. Мид, считавший, что социальная коммуникация имеет субъективную осмысленность, а сам социальный мир представляет собой пространство символов [Мид, 1994].

Цифровые стигматы стали возможны благодаря техническим условиям современных социальных сетей, чье развитие учитывает постмодернистские тренды популяризации клипового сознания. Эпоха « нового средневековья », осмысленная в работах Н.А. Бердяева [Бердяев, 2017] и У. Эко [Эко, 1994; 1998], актуализирует для социальных сетей гиперболизацию визуальной культуры в ущерб культуре текста, что проявляется в ограниченном контенте, коротких хэштегах и связанных с ними мемах. Другой соавтор данной работы в свое время проследил корни эволюции политических технологий от наиболее древнейшего мифа о Мировом древе, где рассказывается о единстве трех миров: божественного (сакрального для человека), человеческого (где живут герои, ведущие простых людей) и подземного, демонического (враждебного человеку) [Федорченко, 2017: 6–31]. Современное наклеивание ярлыков как процесс мифотворчества отчасти сохранило традицию этого архаичного мифа в Интернете: влиятельные социальные сообщества придерживаются системы своих авторитетов, чьи действия подвержены не только идеализации, но и идейной сакрализации (созданию идеологии).

Неслучайно С.В. Чугров обращает внимание на тезис Р. Докинза о том, что обладатели современного постмодернистского сознания могут воспринимать информацию не

просто посредством мемов, а лишь только обладая особым мемокодом – маркером, сигнализирующим интернет-пользователю, насколько тот или иной информационный контент значим и актуален для него и его круга [Чугров, 2017]. Мем привлекает интернет-пользователей новым типом связей с «эффектом калейдоскопа», проявляющегося в соединении разрозненных и бессмысленных до недавнего времени, но уже известных фрагментах контента (фотографиях, словах) [Мирошниченко, Морозова, 2017].

При этом следует отметить, что политическое хэштегирование и политическая мемификация, как две стороны цифровых стигматов, в современном сетевом обществе превращаются в гибкий механизм двойного контроля: политического (сверху, со стороны влиятельных властных групп) и социального [Obryvalina, 2013] (снизу, со стороны других сообществ, провоцируемых властью или другими политическими интересантами). М. Фуко называл это «позитивными» технологиями власти – совокупностью гибких сетевых приемов контроля и надзора, образующих условия для нового закрепощения индивидов, особенно реальных и потенциальных политических конкурентов, посредством специальных дискурсов и форм знания-власти (политического, этического, экономического, медицинского, психологического) [Фуко, 2007: 278–280]. Концептуальная модель Фуко близка к гофмановско-беккеровскому пониманию «клеймения» политических оппонентов, поясняя, что эти гибкие сетевые технологии контроля не отторгают девиантов, признавая их права, а исключают их из активной социальной жизни.

Постмодернистские признаки цифровых стигматов, «нового средневековья», карнавального сознания, клипового мышления тесно сплетаются в узел малоисследованного феномена *post-truth* (постправды) – желаемой и удобной для определенных политических кругов правды, порожденной, по мнению С.В. Чугрова, виртуальной средой социальных сетей и схожей с пастишем – своего рода ироничной подделкой, суррогатом оригинала. Постправда, как постмодернистская девиация, – не ложь, миф или обычный фейк, а особая квазиреальная среда, комфортная для разнообразных псевдоновостей и стереотипов, давно оторвавшихся от подлинных образов. Постправда приводит к исчезновению прежних смыслов и редукции путем контекстной стандартизации политического дискурса, апеллируя к рефлексам, а не к рефлексии [Чугров, 2017].

Нынешний постмодерн имеет свои корни в том, что К. Юнг называл «массовым человеком» – порождением Реформации, Просвещения и Индустриальной революции из социально атомизированных индивидов, подверженных манипуляции, теряющих индивидуальную ответственность, но вновь тянущихся в сообщества со своими авторитетами [Юнг, 2003]. Обозначенный процесс получил свой новый импульс в Интернете, о чем свидетельствуют исследования в области сетевых политических идентичностей в Facebook [Coretty, Pica, 2015: 951–967]. Здесь принципиальный интерес для нас имеет следующее юнговское замечание – пришедшие времена рационализма подавили в западном человеке личное бессознательное и выдвинули на передний план коллективное бессознательное с массовыми политическими движениями [Одайник, 2010: 59–79]. Юнгианский довод можно уточнить: в западном человеке (пока задававшему вектор развитию социальных сетей) все же сохранились ценности индивидуализма, заложенные, в том числе, учением Боэция о персоне, внешних масках – ипостасях, имеющих самостоятельное бытие и отличающихся от других личин [Боэций, 1990: 172].

Значительно позже идеи Боэция о персоне эволюционировали в сторону сетевого аккаунта и мема. Такое видение проблемы приближает нас к пониманию возрастающей роли современных сетевых сообществ, где интернет-пользователи попали в парадоксальную ситуацию – перейдя в виртуальное пространство и пытаясь обрести независимость от тех институтов, к которым упало доверие, они так и не смогли освободиться от прежних организующих архетипов – онтологических понятий добра и зла, героя и врага, сакрального и карнавально-маскарадного, в которых обрели новую азбуку цифровой стигматизации. И это закономерно – социальные сети Интернета воспроизводят уникальные условия для постправды, а массовый человек становится идеальной мишенью для всевозможных манипуляций, приводящих к «перезагрузке» интерпретации политического.

Заключение. Сама по себе технология стигматизации используется различными акторами, включая институты власти, на протяжении многих веков. Необходимость формирования ценностно-смысловых и символических систем «свой–чужой», стремление к упрощению сложной социально-политической реальности и формированию единой системы массовых моделей миропредставления для осуществления контроля над обществом с давних времен определили функциональную востребованность и серьезный потенциал использования стигматов в процессах общественно-политического развития.

На сегодняшний день цифровая стигматизация является неотъемлемым элементом информационно-пропагандистской работы, направленной на формирование выгодных политическим акторам массовых представлений о социально-политической реальности, а также на интерпретацию в необходимом ключе различных явлений, событий и процессов, имеющих важное общественное значение, включая социально-политические процессы, связанные с вопросами завоевания, удержания, распределения и реализации власти.

В современных государствах в качестве наиболее активных политических акторов зачастую выступают представители властвующих групп и институтов власти, которые, контролируя традиционное медиапространство и стремясь поставить под контроль и Интернет, заинтересованы в формировании в массовом сознании яркого образа врага государства и общества по отношению к политическим конкурентам и оппозиционным группам.

В ситуации информационной перегрузки и значительного роста потоков информации стремление массового пользователя к упрощению и структурированию социально-политической реальности, получению простых объяснительных моделей происходящего активно используется в процессах манипуляции массовым сознанием, включая и процессы манипуляции со стороны государственных институтов власти, что актуализирует концепцию «одномерного человека» Г. Маркузе применительно к современным условиям функционирования государства и общества.

Цифровые стигматы обладают высоким манипулятивным потенциалом, позволяя с их помощью исказить объективную реальность, отклонять массовое сознание от реальной действительности в необходимую сторону, фокусируя внимание большинства лишь на отдельных, выделенных и «правильно» проинтерпретированных при помощи стигматов кластерах социально-политических событий, явлений и процессов, либо же формируя псевдособытия, воспринимаемые массами в качестве реальных. Безусловно, стигматизация является лишь одной из множества технологий манипулирования массовым сознанием, направленных на деформацию и дерационализацию массового сознания, а также используемых для навязывания «массовому человеку» выгодных субъектам политического управления стереотипов восприятия и осмысления происходящего. В связи с этим, на наш взгляд, технологии, методы и приемы «цифровой» манипуляции требуют своего дальнейшего предметного и своевременного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2017.
- Бозций. Утешение Философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
- Володенков С.В. Интернет – коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во МГУ, Проспект, 2015.
- Геродот. История. М.: АСТ, Ладомир, 2001.
- Гофман И. Об особенностях тотальных институций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 3-4. С. 38–50.
- Дамаскин И. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Том 1. СПб.: Имп. С.-Петербургская Духовная Академия, 1913.
- Иванова Ю.В. Два критика Макиавелли эпохи Контрреформации: от *ragione di stato* к *signa temporalis felicitatis* // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. Сборник статей. М.: ИВИ РАН. 2013. С. 305–343.
- Литаврин Г.Г. 1999. Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 1999.
- Мид Дж.Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренко. М.: МУБиУ, 1994. С. 215–224.

- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронт сетевых обществ // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 83–97.
- Одайник В. Психология политики: политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Азбука, 2010.
- Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М.: АСТ; Ладомир, 2001.
- Творения святого отца нашего преподобного Феодора Студита, переведенные с греческого языка при Санктпетербургской Духовной Академии. Письма к разным лицам. Ч. 2. СПб., 1867.
- Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>
- Федорченко С.Н. К истории развития политических технологий в России // Россия XXI. 2017. № 4. С. 6–31.
- Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1874–1975 учебном году. М.: Наука, 2007.
- Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>
- Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
- Эко У. «От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст». Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5–14.
- Юнг К.Г. Психология. Dementia praecox. Минск: Харвест, 2003.
- Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York; London: The Free Press; Collier-Macmillan Ltd, 1966.
- Coretta L., Pica D. The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. No. 8. P. 951–967. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043317>
- Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice-Hall, 1963.
- Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24. No. 3-4. P. 299–342.
- Obryvalina O. The Role and Specifics of Social Control in Transforming Societies // Facta Universitatis. Series Philosophy, Sociology, Psychology and History. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 111–115.

Статья поступила 11.05.18. Финальная версия: 27.06.18. Принята к публикации: 23.07.18.

DIGITAL STIGMATA AS A TOOL OF MANIPULATING MASS CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF MODERN STATE AND SOCIETY

VOLODENKOV S.V.*, FEDORCHENKO S.N.**

*Lomonosov Moscow State University, Russia; **Moscow State Regional University, Russia

Sergey V. VOLODENKOV, Dr. Sci. (Polit.), associate professor of Lomonosov Moscow State University (s.v.cyber@gmail.com); Sergey N. FEDORCHENKO, Cand. Sci., associate professor of Moscow State Regional University (s.n.fedorchenko@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. In the conditions of Internet evolution as an independent space of social and political communications, traditional approaches to impact on mass consciousness acquire a new sound and potential associated with the emergence of new tools for digital communications. In this regard, the rethinking of classical models and methods of socio-political stereotyping and mythologization seems to us an actual task for contemporary science. The aim of this paper is to conceptualize the problem of applying digital stigmatization in socially-manipulative practice – social and political technologies of sticking labels and markers by political actors to their opponents in the space of social media. Analysis of contemporary political practice demonstrates that digital stigmatization technologies are today becoming a serious tool for conducting political struggle for the conquest and retention of power that has a significant potential for influencing mass consciousness. According to authors, the activity of political opponents is coded by politically and informationally influential actors as an activity of carriers of deviant behavior, which is a threat to society and the state. The work determines the essential role of tools for the formation of specific conditions in the network space that change the interpretation of political life with the help of digital stigma. The authors come to the conclusion that the subjects of stigmatization in modern practice in many cases are directly institutes of political power, which attempt

to establish information control over society in their own interests, using for this purpose modern digital technologies of stereotyping and mythologization of socio-political reality.

Keywords: digital stigmata, political manipulation, Internet space, political communication, mass consciousness.

REFERENCES

- Becker H.S. (1966) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York; London: The Free Press; Collier-Macmillan Ltd.
- Berdjaev N. (2017) *The Meaning of History. New Middle Ages*. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
- Berelson B. (1952) *Content Analysis in Communication Research*. Glencoe, IL: Free Press.
- Boethius. *Consolation of Philosophy and Other Treatises*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Chugrov S.V. (2017) Post-truth: the Transformation of Political Reality or the Self-destruction of Liberal Democracy? *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 42–59. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>
- Coretta L., Pica D. (2015) The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8: 951–967. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043317>
- Damascene J. *The Complete Works of St. John Damascene*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Imperatorskaja S.-Peterburgskaja Duhovnaja Akademija. (In Russ.)
- Eco U. (1998) «From the Internet to Gutenberg: Text and Hypertext». *Excerpts from a Public Lecture at Moscow State University*. New Literary Observer. No. 32: 5–14. (In Russ.)
- Eco U. (1994) *The Middle Ages Have Already Begun*. Foreign literature. No. 4: 258–267. (In Russ.)
- Fedorchenko S.N. (2017) The History of the Development of Political Technologies in Russia. *Russia XXI*. No. 4: 6–31. (In Russ.)
- Foucault M. (2007) *Psychiatric Power: Lectures Delivered at the College de France in 1874–1975 School Year*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Goffman E. (2008) On the Peculiarities of Total Institutions. *Lichnost. Kultura. Obshestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. X. No. 3-4: 38–50. (In Russ.)
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York: Prentice-Hall.
- Herodotus. (2001) *The History*. Moscow: Lodomir. (In Russ.)
- Ivanova J.V. (2013) Two Critics of Machiavelli in the Counter-Reformation Era. In: *Re-reading Machiavelli. Ideas and Political Practice through the Centuries and the Countries*. Collected Papers. Moscow: IVI RAN. (In Russ.)
- Jung C.G. (2003) *Psychology. Dementia praecox*. Minsk: Harvest. (In Russ.)
- Landtsheer Ch. (1991) Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach. *Communication and Cognition*. Vol. 24. No. 3–4: 299–342.
- Litavrin G.G. (1999) *Byzantium and the Slavs*. Saint-Petersburg: Aletejja. (In Russ.)
- Mead G.H. (1994) From Gesture to Symbol. In: *American Sociological Thought: Texts*. Moscow: MUBiU: 215–224. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. (2017) Network Public Policy: Outlines of the Subject Field. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 82–102. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Rjabchenko N.A. (2016) Frontier of the Network Society. *Mirovaja ekonomika i mejdunarodniye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 60. No. 2: 83–97. (In Russ.)
- Obryvalina O. (2013) The Role and Specifics of Social Control in Transforming Societies. *Facta Universitatis. Series Philosophy, Sociology, Psychology and History*. Vol. 12. No. 1: 111–115.
- Odajnyk V.W. (2010) *Psychology of Politics: Political and Social Ideas of Carl Gustav Jung*. Saint-Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
- Tacitus Cornelius. (2001) *Annals. Minor Works. History*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Tikhonova S.V. (2016) Social Networks: Problems of Socialization of Internet. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No.3: 138–152. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>
- Creation of Our Holy Father St. Theodore the Studite Translated from Greek at the St. Petersburg Theological Academy. Letters to various persons. Part 2.* (1867) Saint-Petersburg. (In Russ.)
- Volodenkov S.V. (2015) *Internet Communications in the Global Space of Contemporary Political Management*. Moscow: MGU; Prospect. (In Russ.)